

ФИЛОСОФСКИЕ ПОДСТРОЧЬЯ ФЕНОМЕНА «СЕЛФИ»

Костенич В. А. (Учреждение образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова», кафедра философии)

Аннотация. В статье точно характеризуются некоторые культурологические аспекты феномена «селфи» и предлагается философская психоаналитика его мировоззренческих истоков и проявлений.

Информационное общество, как технологический локомотив постиндустриальной культуры, лавинообразно насыщает нашу повседневную жизнь разномастными и разношерстными визуализациями человеческой «много(к)ликости». Наступает эра нарциссизма восставшей посредственности, инстаграмных «фейсфизио(г)номий», клонов душевной мозаичности и духовной убогости, нагло тиражирующих «эстетику саморазоблачительной ничтожности» в пространствах человеческих коммуникаций и «аватарного сводничества».

Феномен «селфи» оказывается одним из наиболее знаковых и символических вариантов подобного «визуального шума» и постмодернистского покушения на человеческую Личность, в ее классических традициях бытийной «самобытности» и духовной состоятельности. Экраны человеческого существования пестрят порфолио гримасничающих лиц, обнаженных (до неприличия) тел и их причудливых оргий беснующейся бестактности. *Социальный бал правят конгломераты человеческой «фактуры», лишенной экзистенциальной «фактичности».* Театр абсурда наделяет себя атрибутами респектабельности, позиционируется как «культурный тренд» и мультиплицирует пошлость в качестве «новомодной современности». Глобализация добралась до структур человеческой наивности и рефлексов провинциальной скромности.

Бытие «напоказ», воинственно контрастирует «атманы» человеческой глубины, выпроваживая на поверхность человеческого естества «черные дыры» безличности. Возникает и настырно (технически) репродуцируется «мания мельтешащих образов», конвульсивно выдающих себя за «личностные проекты» бытийного присутствия. «Казаться» становится актуальной «философией бытия», которая неистово размножает себя от мала до велика; от аборигеновских трущоб и до эдемовских дворцов нуворишей. Человече-

ская «Якос(т)ь» эпидемически заболевает лихорадкой репрезентированности, фотошопом обывательской вульгарности; геолокацией «здесь был я».

То, что раньше составляло биографическую фотолетопись «личного», интимность взволнованной души, генетику рождения таинствующей уникальности, гробится и гнобится гордыней бахвальства. «Сон Разума рождает чудовищ...». Чудовищ расфуфыренной небрежности к своему «лица необщему выражению». Мир катится в тартары воинствующей плоти и духовной непритязательности. Местечковые «бонапарты карикатурного гламура» скалятся из всех щелей интернетовского «взора», само(сть)убийственно обнажая (в прямом и переносном смыслах) свое «отлайкированное нутро», воспрявшего из прозябания обывателя.

Как представляется, психоаналитический вокабуляр способен задать определенные интерпретационные схемы осмысления и оценки «селфи-ориентаций» *постиндустриального субъекта*, его «бессознательные избыточности» и личностные «недостатки». Фрейд рассматривает человека, как «несчастное сознание», ибо человеческое «Я» все время испытывает на себе давление со стороны двух альтернативных друг другу, но одинаково репрессивных по отношению к нему, конкурентных феноменов: «ОНО» и «СВЕРХ-Я».

«ОНО» состоит из множества витальных аффектов и переживаний, пытающихся прорваться в человеческое «Я» и *оккупировать его квазиэротическим вождением к обладанию обладанием чем-то (или кем-то) Другим* в качестве «объекта (для) наслаждений». Это стремление изначально антиномично: обитает в смятениях «Эроса» и «Танатоса», любви-ненависти, очарования-разочарования. Влюбленность, безумствующая от ревности утратить свою «приватизированную добычу удовольствия». И одновременно распятая ощущением своей «невластности» над переживаемым объектом, наделенным «собственным» прошлым и будущим. Более того, и в «нашем настоящем» объект наслаждения «сильнее нас», ибо мы «одержимы Им», перенапряжены зависимостью от его бытия.

«Сверх-Я» также характеризует собой область бессознательного, но содержит в себе культурно-исторически сформировавшиеся «ценностные директивы», с помощью которых человеческое «Я (Самость)» побуждается подавлять (либо поведенчески редактировать) природные инстинкты «воли к обладанию» в направлении «общественного мнения» и «эстетики приличий». Если же человек (по тем или иным причинам) оказывается не способен творчески сублимировать (преобразовать и преобразить) свои отношения с «ОНО» и «Сверх-Я», это грозит его онтологии *опасностью регрессировать на ту или иную стадию «невротического существования»*. В контексте последнего «нелицеприятное» и провокативное человеческое поведение начинает оцениваться в категориях «инфантильного эпатажа» и «симуляций» естественности.

По мнению Фрейда, возможны и необходимы несколько *духовных практик «рационализации»* (т. е. «доведения до ума и Совесть») всего того, что пытается сообщить нашему «Я» подпольное «ОНО». В частности, возможен и необходим психоаналитический (смысловой) анализ «анекдотического» измерения человеческого бытия. (Попутно отметим, что «селфи», по-видимому, и есть «один из таких» вариантов постиндустриального анекдотизма «образного графоманства».)

Ученик Фрейда Карл Густав Юнг, полагал, что нужно по-новому расставить мировоззренческие акценты и сместить мировоззренческую оптику в сторону так называемого «коллективного бессознательного», включающего в себя совокупность внеисторических символических форм (или архетипов) человеческой социальности. К числу таковых Юнг относит прежде всего *архетипы Тени, Персоны («Маски») и Самости*.

Архетип «Тени», характеризует собой неосознаваемые самим человеком «Личины» его проявления в мире, которые угрожают его «публичной репутации», и по этим причинам (в норме!) подвергаются бессознательной ретуши для «внешнего наблюдателя». *Архетип «Персоны»* (или «Маски») извещает о том, что каждый человек вынужден исполнять огромное множество различных социальных ролей, подспудно искажающих его личностно-аутентичные способы существования. Человек (чаще всего!) оказывается тем, кто «подыгрывает» внешнему миру и «разыгрывает из себя» не себя самого (т. е. лицедействует и лицемерит).

Наконец, «Самость», как *архетипический аспект человеческого бытия*, призвана помочь человеку осуществлять «собираение себя» из собственного присутствия в системе «теневых изнанок» и «социальных видимостей», для того, чтобы *индивидуализировать нашу бытийную уникальность*, освободив ее от «*мракобесных социоморфных наслоений*». «Самость» существует через борьбу и столкновение Тени, Персоны, Анимы и Анимуса (женской и мужской ипостасей), побуждая самого человека исполнять тот оптимальный (для его сути) «бытийный баланс», который позволял бы самому человеку, сохранять себя в качестве личностной целостности.

Включаясь в «игры» социальных забав, человек-селфи оказывается «за бровкой» бытийного поля своих сущностных сил и воплощений само(сть)уважения. Происходит полный «каминг-аут» человеческой личности, не стесняющейся призна(ва)ться в своей некрофильской ориентации на демонстративный садо-мазохизм эклектической полигамии и плот(ск)оядности. Вызывающий эксгибиционизм эротической однополости обретает культурологические формы «эксгибиционизма деперсонифицированности». Возникает «аут» человеческой чуткости к достоинству собственной индивидуальности.

«Пятая точка» вместо головы... или «голова как пятая точка»... Самодовлеющая визжащая телесность, аранжированная безличной подражательностью. Раковые метастазы не прикрытой «грудной мышцы» и «ягодичных полей». Гимнастика безобразия. «Смешались в кучу кони-люди...». Срочно требуется философская психоаналитика постиндустриальных «игрищ» с «силиконовыми селфи-долинами» экзистенциального ландшафта человеческих Ликов.